

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

В. КОТЕСТА

**ОТ ГОСУДАРСТВА-НАЦИИ
К ГЛОБАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ: ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ
ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ
(Реферат)**

COTESTA V.

From nation-state to global society: The changing paradigm of contemporary sociology // International review of sociology. – Routledge, 2008. – Vol. 18, N 1. – P. 19–30.

Профессор Римского университета Витторио Котеста анализирует парадигму государства-нации в современной социологии, опираясь на критику этой парадигмы Н. Элиасом. Рассматривая социологию как часть культурной программы модерна, автор отмечает, что в этом качестве она сопровождает рождение и развитие государства-нации. В XX в. нация становится одной из центральных категорий социологии и других наук об обществе. Элиас объяснял эту важную переменную тем, что в социальных науках на смену «школе Гераклита», в центре внимания которой были движение и изменения, пришли мыслители «элейской школы», интерес которых обращен к статике и длительности. Если теоретики XIX в. были ориентированы на осмысление феномена прогресса, то для мыслителей следующего столетия характерны разочарова-

ние в прогрессе и стремление теоретически обосновать превосходство какой-либо одной нации¹.

В. Котеста отмечает, что в этом различии Элиаса фактически не находится места Дюркгейму, Зиммелю, Веберу и другим социологам, расцвет творчества которых пришелся на рубеж двух веков. Впрочем, у Дюркгейма и Зиммеля переход от разработки универсальной теории общества к усилению националистических настроений был достаточно заметен – он пришелся как раз на годы Первой мировой войны. Случай М. Вебера более сложен, поскольку в его идее групповой харизмы прослеживаются следы предрасудков того класса, к которому Вебер принадлежал. Однако главной целью критического анализа Элиаса была социология Т. Парсонса. Элиас порицал Парсонса за редукцию социальной теории к абстрактной комбинации переменных, позволяющей описывать любое общество в любую эпоху, и за стремление дать социологическое обоснование новой лидирующей роли американского общества. Котеста полагает, что критический подход Элиаса, в основе которого лежит убеждение в принципиальном единстве социологической теории и – шире – всех социальных наук, занимает важное место в ряду других попыток преодолеть парадигму государства-нации.

В числе таких попыток Котеста прежде всего указывает на цивилизационную парадигму. Еще в 1930-е годы А. Тойнби убедительно показал, что базовой единицей исторического исследования не обязательно должны быть нация и национальное государство. Основной категорией для Тойнби является цивилизация, т.е. общество, ориентированное на традицию или на инновацию. В настоящее время этот подход развивает С. Хантингтон, который рассматривает современную стадию истории человечества через призму конфликта цивилизаций, стремясь попутно обосновать доминирование США в современном мире. Согласно Хантингтону, на эпистемологическом уровне цивилизация является элементарной аналитической единицей соответствующей парадигмы. Как отмечает автор статьи, цивилизационную парадигму в версии Тойнби и особенно в версии Хантингтона едва ли можно рассматривать как решительный разрыв с парадигмой государства-нации.

¹ *Elias N. Über den Prozess der Zivilisation.* – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1969. – S. 69.

По сути дела, обе эти парадигмы относятся к одной и той же концептуальной семье, поскольку культурные и этнические характеристики необходимы для описания той или иной цивилизации (с. 22).

Парадигма мировой экономики возникла на рубеже XIX и XX вв. благодаря вкладу немецкой экономической школы мирового хозяйства (Weltwirtschaft) и социологии Дюркгейма (при опосредующей роли М. Мосса). Позднее мощный импульс этому направлению был придан трудами Ф. Броделя, который в своем классическом исследовании о Средиземноморье в эпоху Филиппа II утверждал, что исторический анализ не может ограничиваться политической системой и государством, но должен принимать во внимание такие аспекты жизни общества, как экономика, культура, технология и т.д. Подход Броделя может быть назван *экологией цивилизации*, поскольку он обращен к пространственно-временному измерению взаимодействия между социальной организацией и окружающей средой. Не меньшее значение имеет анализ Броделем структур – рынка, экономических и культурных обменов, институтов, государства, религии и техники.

Этот подход был использован И. Валлерстайном для построения теории мировой экономической системы, которая показывает динамику долгосрочных изменений капиталистического общества. Их итогом стало превращение капитализма из европейского в глобальный феномен. Котеста, однако, считает, что широкое применение мир-системного анализа сопряжено с трудностями, а в самой теории Валлерстайна присутствует сильная теологическая компонента, основанная на вере в возможность постижения физической и социальной рациональности мира. Одна из наиболее сложных проблем в данном случае – сформулировать закономерности развития мировой экономической системы таким образом, чтобы не упустить из виду действия конкретных социальных акторов.

Парадигма власти, к обзору которой переходит Котеста, имеет давнюю традицию; ее теоретическое обоснование и моральная легитимация связаны с именами Макиавелли, Гоббса и Локка, а в конце XIX столетия благодаря усилиям Ницше «власть» как аналитическая единица стала использоваться для разоблачения буржуазных институтов и моральных принципов. В XX в. наиболее значимые попытки использовать эту категорию для объясне-

ния современного мира были предприняты К. Шмиттом, М. Фуко и А. Негри. Исследование структуры европейского права дало основание Шмитту рассматривать *jus publicum europaeum* в качестве базиса глобального правового регулирования. Большое значение имеют также выводы Шмитта относительно характерного для капитализма XX в. переворота в отношениях между экономикой и политикой, когда последняя начинает играть ведущую роль. Со всем другой подход предлагает Фуко. Через призму категории «власть» он рассматривает отношения между людьми, выявляя их конфликтный потенциал. Наконец, «Империя» А. Негри (написанная в соавторстве с М. Хардтом) представляет собой впечатляющую теоретическую конструкцию, в которой происходит переосмысление механизмов глобального господства. По мнению автора, независимо от того, вдохновляются ли создатели этих подходов ностальгическими и консервативными идеями или же склоняются к революционной утопии, критический потенциал парадигмы власти является многообещающим. Но серьезные ограничения здесь могут быть связаны со стремлением редуцировать социальные отношения к отношениям власти.

Универсальная сравнительная социология является направлением исследований, в рамках которого также возможны попытки преодолеть парадигму государства-нации. Еще М. Вебер, стремясь выявить специфические условия формирования европейского капитализма, предпринял масштабное сравнительное исследование мировых религий и их влияния на формы человеческого существования. Аналогичные усилия Парсонса были направлены на апологетику западного, прежде всего американского, общества. В идейном климате периода Второй мировой войны аналитическая модель Парсонса постулировала объективное «превосходство» Запада над всеми другими типами социальной организации. Восприятие этой модели вдохновило политику модернизации в развивающихся странах, долгосрочные последствия которой оказались преимущественно негативными из-за того, что институты и политические стратегии западного общества привносились в другую социальную среду.

Компаративистский подход был серьезно пересмотрен рядом американских социологов, непосредственно работавших с Парсонсом или разделявших основные положения его теории.

В частности, Ш. Эйзенштадт разработал новый подход к анализу модернизации, в основе которого лежит идея плюрализма модернизаций. Он различает «программу модерна» и варианты ее осуществления в иных социальных, экономических, культурных и политических контекстах, существенно отличающихся от исходного контекста (Европа и США), в котором эта программа возникла. Итогом становится признание многообразия вариантов модернизации, а основой их различения – религия, представления о мире, система ценностей и социальный контекст. В последние годы Эйзенштадт еще более расширил горизонт своей теории, трансформировав ее в концепцию «множественного модерна в эпоху глобализации»¹.

Еще один продолжатель традиции Парсонса, Н. Смелзер, выдвинул идею глобальной социологии. Как отмечает автор, усилия Смелзера дать определение новой аналитической единицы социологического исследования порождают одновременно надежду и разочарование. Надежда связана со стремлением Смелзера преодолеть парадигму государства-нации, а разочарование – с тем, что в качестве альтернативной единицы анализа Смелзер предлагает отношения между нациями. Указывая на революционные изменения в таких областях, как экономический рост, демократия, экологические проблемы, солидарность и идентичность, Смелзер подчеркивает необходимость обновления метода сравнительной социологии. Раньше внимание американских и европейских социологов было сконцентрировано на проблемах их собственных обществ, а развитие незападных обществ рассматривалось ими как прохождение все того же пути с теми или иными вариациями. Теперь же появляется потребность в сравнении наций как «зависимых единиц, включенных в некую общую систему»² – всемирное общество. При этом требуется самокритично отнестись к прежним подходам и отказаться от устоявшихся оценок незападных обществ как «неполноценных», «отсталых» или «запоздавших в развитии».

¹ Eisenstadt S.N. The vision of modern and contemporary society // Identity, culture and globalization / Ben-Rafael R., Sternberg Y. (eds.) – Leiden: Brill, 2001. – P. 25–48.

² Smelser N.J. Problematics of sociology: The Georg Simmel lectures, 1995. – Berkeley: Univ. of California press, 1997. – P. 98.

Котеста считает, что новые подходы, разрабатываемые представителями этого направления социологии, имеют большое методологическое значение. В то же время он отмечает, что реальных достижений у парадигмы сравнительной социологии пока нет. По его мнению, существование системных отношений между частями мира требует лучшего обоснования, в рамках которого должна признаваться глобальная взаимозависимость не только между нациями, но и между другими акторами. Причем отношения между ними должны рассматриваться не только как взаимосвязи внутри некоторого ансамбля, но и как отношения между дискретными элементами, формирующими транснациональные, транскультурные, трансрелигиозные и иные связи (с. 26).

Автор полагает, что для успешного развития социологической парадигмы глобального общества требуется смена поколений интеллектуальной элиты, когда идейный ландшафт перестанут определять мыслители, сформировавшиеся в эпоху «холодной войны» и противостояния сверхдержав. Новое поколение интеллектуалов должно не просто ориентироваться на глобальные ценности, но обладать мощным креативным потенциалом, готовностью к непредвзятому диалогу и чувством справедливости, не позволяющим использовать этот потенциал ради отстаивания привилегированного положения «своего» общества.

К числу наиболее важных компонентов будущей парадигмы Котеста относит пространственно-временное измерение отношений между социальными акторами. Хотя такие отношения всегда разворачиваются в пространстве и во времени, социология до сих пор уделяла этому измерению недостаточно внимания. Если мы рассматриваем пространственно-временное измерение как атрибут данного момента («здесь и теперь»), мы можем получить уверенное знание о социальной реальности, четко ограниченное этими пространственными и временными рамками. Если же мы стремимся к максимальному расширению пространственного и временного горизонта, то в этом случае становится возможным разработать теории, позволяющие понять и интерпретировать системы отношений социальных акторов в глобальном масштабе. Пространство при таком понимании целесообразно рассматривать в тесной связи со временем, поскольку в конечном счете речь идет о скорости коммуникации между акторами.

Для формирования новой социологической парадигмы большое значение имеет многомерный анализ социальных сетей и систем отношений между акторами. В то же время важно избежать онтологизации категорий «сеть» и «система», которые являются лишь компонентами теории, позволяющей понять социальную реальность. Описание сетей и систем требует плюрализма измерений, каждое из которых обладает некоторым специфическим кодом. Проблема также состоит в том, какой из ансамблей социальных отношений соответствует характеристикам сети, а какой – системы. Более тесные отношения взаимозависимости чаще всего соответствуют представлениям о системе, а менее тесные – представлениям о сети, хотя здесь также возможны различные вариации и переходные формы.

Существенным аспектом новой парадигмы социологии должно быть выявление уровня конфликтности и / или кооперативности социальных отношений. Системная конвергенция и структурный конфликт могут сменять друг друга или разворачиваться одновременно. Например, модернизация стиля жизни может происходить в условиях усиления политического консерватизма. Кроме того, возможны конфликты между акторами одной и той же сети социальных отношений. Рассмотрение общества в качестве глобальной сети будет способствовать теоретическому осмыслению таких ситуаций, когда пространственно удаленные друг от друга акторы находятся в кооперативных отношениях, но одновременно конфликтуют с другими акторами, даже если они относятся к одному и тому же государству-нации.

Котеста обращает внимание на то, что необходимой предпосылкой конструирования новой теории является признание социального и культурного разнообразия глобального общества, расходящееся с ориентацией на культурную гомогенность, характерную для теоретиков государства-нации. По сути дела, требуется решить задачу объяснения одновременности процессов унификации и дифференциации в глобальном обществе (с. 26). В практическом плане такая исследовательская работа может быть ориентирована на комплексный анализ структуры глобального общества и на социальную саморефлексию, требующую обращения к истории философской мысли.

Д.В. Ефременко